

ПИТАТЕЛЬНЫЙ ЯД

ОЛИВИЯ
ДАРНЕЛЛ

Оливия Дарнелл

Питательный яд

«Автор»

2025

Дарнелл О.

Питательный яд / О. Дарнелл — «Автор», 2025

Сборник состоит из девятнадцати коротких детективов, в которых легко и с юмором описываются таинственные, полные неожиданных поворотов истории. Действие разворачивается в светских салонах Лондона, скромных сельских коттеджах, замках с привидениями и даже на театральных подмостках. Преступники коварны и изобретательны, а противостоят им не только полицейские, но и непрофессионалы. Это эксцентричные старые девы, чудаковатые аристократы, журналисты, библиотекари, наблюдательность и знаменитое английское здравомыслие которых позволяют им раскрывать преступления ничуть не хуже опытных детективов. Герои также самые разные, но всех их объединяет одно - столкновение с загадками, которые до последней минуты держат читателя в напряжении.

© Дарнелл О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Фамильные рецепты	6
Костюмная драма	11
Смешение жанров	16
Кукольный домик	22
Импровизация	28
Диадема для дивы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Оливия Дарнелл

Питательный яд

Сборник состоит из коротких детективных рассказов, в которых легко и с юмором описываются таинственные, полные неожиданных поворотов истории. Действие разворачивается в светских салонах Лондона, скромных сельских коттеджах, замках с привидениями и даже на театральных подмостках. Преступники коварны и изобретательны, а противостоят им не только полицейские, но и непрофессионалы: эксцентричные старые девы, чудаковатые аристократы, писатели, журналисты, наблюдательность и знаменитое английское здравомыслие которых позволяют им раскрывать преступления ничуть не хуже опытных детективов. Герои также самые разные, но всех их объединяет одно – столкновение с загадками, которые до последней минуты держат читателя в напряжении.

Фамильные рецепты

На похороны Джейн Дарранд пришло много народу. В Сент-Остине любили эту скромную доброжелательную женщину и были потрясены её нелепой смертью. Разбиться, сорвавшись во время прогулки со скалы! Миссис Дарранд была последней из Стаффордов, семьи, жившей в Сент-Остине чуть ли не с самого основания городка, который был обязан ей своими прекрасными аптеками. Их вместе с домом и процветающим фармацевтическим бизнесом Джейн принесла в приданое Чарльзу Дарранду, скорбно застывшему сейчас у могилы. Взоры собравшихся на кладбище жителей городка привлекал не только вдовец, но и юная Эдна Беркли. Именно она была свидетельницей гибели Джейн Дарранд. Бледность и утомлённый вид девушки был вполне объясним. Ей пришлось долгое время провести в полиции, где она рассказала, как вышла прогуляться вечером на океан и увидела мистера и миссис Дарранд, которые прогуливались наверху на скалах, и как миссис Дарранд потянулась за цветком, растущим на краю скалы, оступилась и свалилась вниз, разбив голову о камни. Оснований не доверять Эдне у полиции не было. Падения со скал случались в Корнуолле, брак Даррандов считался безупречным, и смерть миссис Дарранд была признана результатом несчастного случая. Но женская половина Сент-Остина жаждала узнать подробности трагедии. Поэтому-то так внимательно присматривались к мисс Беркли, прикидывая, как скоро она придёт в себя, чтобы можно было приступить с вопросами. Тревожить вдовца, человека раздражительного и нелюдимого, не решился бы никто. Третьим объектом внимания была пожилая, рыжеволосая женщина, застывшая в скорбном и каком-то недоумённом молчании. Это была мисс Кассандра Фейси – библиотечкарь. Развлечений в Сен-Остине было немного, и библиотека, созданная ещё в девятнадцатом столетии, являлась центром культурной жизни и развлечений. Это объяснялось не только богатым фондом, но и личностью библиотечкаря – особы, фанатично преданной своему делу, и, по мнению многих жителей, настоящей ведьмы. Вера в сверхъестественную силу этой женщины зиждилась на её ссылаках на Высшую справедливость, под которой она понимала кару за дурное обращение с книгами, и которая, по мнению пострадавших, совершенно не соответствовала тяжести преступления. Первое проявление Высшей справедливости пало на голову юного Джейми Эллинза, вылившего на старинный атлас географических карт тарелку с жирным супом и нагло заявившего тогда ещё молодой мисс Фейси, что жирные пятна только освежили выцветшие краски. Через несколько дней он едва не утонул, перевернувшись на лодке, дав повод торжествующей Кассандре Фейси поведать миру о Высшей справедливости. Второй раз о ней мисс Фейси заявила после того, как был подчистую обворован дом Камилы Стармер. За неделю до этого мисс Фейси обвинила пострадавшую в краже журнала мод из читального зала. Доказательств не было, но, судя по тому, что после ограбления дома кто-то подкинул на крыльцо библиотеки пропавшие журналы, все сделали вывод, что миссис Стармер решила больше не рисковать своей собственностью. Дальше произошло нечто странное с Фионой Смит, уличённой в вырывании страниц из учебника. В её доме обрушился потолок. Молва о мистической силе мисс Фейси, обрастая фантастическими подробностями, достигла таких размеров, что любое происшествие или несчастный случай стали связывать с нарушениями пострадавшими библиотечных правил. Дело дошло до того, что полиция негласно проверила алиби мисс Фейси на момент нескольких происшествий. Оно оказалось безупречно и только усилило веру в её тайную силу. Несколько человек на всякий случай перестали ходить в библиотеку, но другая опасная аура рыжеволосой библиотечкари притягивала, придавая каждому посещению оттенок приключения. Одни были склонны верить местному историку, который раскопал сведения о некоей Елизавете Фейси, обвинённой в колдовстве и едва не сожжённой в шестнадцатом столетии. Другие объясняли силу библиотечкари книгами по чёрной магии, которые якобы хранились в фондах, и из которых она черпала свои зна-

ния. Но смерть несчастной миссис Дарранд никто не связывал с ведьминскими возможностями Кассандры Фейси. Погибшая была её единственной подругой, что доказала, подарив незадолго до смерти доставшуюся в приданое старинную книгу по ведению домашнего хозяйства. Мисс Фейси с гордостью демонстрировала этот огромный фолиант в кожаной с золочением обложке особо приближённым читателям. Кроме мистической силы мисс Фейси обладала и редкостной информированностью обо всём происходящем в городке, которой щедро делилась со всеми желающими. Она проводила много времени в доме Даррандов, и именно от неё городские сплетницы надеялись получить дополнительные сведения о случившейся трагедии.

Прошло всего несколько дней после похорон, и Сент-Остин был взбудоражен новым происшествием. Эдна Беркли попала в больницу с заболеванием, превратившим её из молодой цветущей девушки в полного инвалида. Она потеряла все волосы, почти ослепла и лишилась голоса. Врачи только качали головой и не могли поставить диагноз. Высказывалось предположение, что она подхватила какую-то неведомую инфекцию во время отдыха в Малайзии. Мисс Фейси, видевшая несчастную незадолго до её болезни, никак не комментировала это событие, а только печально покачивала головой. Она вообще очень сдала после смерти Джейн Дарранд, стала молчалива, книги рекомендовала без обычной агрессивной настойчивости, исчезла и её обычная задиристость. Жители Сент-Остина стали сетовать на это, посещения библиотеки потеряли свою прелесть, им явно не хватало прилива адреналина.

В пятницу вечером, когда давно ушли последние читатели, мисс Фейси, собиравшаяся идти домой, услышала шаги по вымощенной камнями дорожке. Она поднялась, выглянула в окно и резко распахнула дверь.

– Входи, Чарльз. Честно говоря, я тебя не ждала.

Говорила она очень тихо, типичным «библиотечным голосом», но тон, которым была произнесена эта простая фраза, был явно угрожающим.

Это ничуть не смутило Дарранда. Он огляделся по сторонам, схватил хрупкую мисс Фейси за плечо, втокнул в холл и с грохотом закрыл дверь.

– Мы здесь одни, старая ведьма! И никто не видел, как я шёл сюда, я могу свернуть тебе шею, и никто никогда, слышишь, никогда не докажет, что это сделал я.

Мисс Фейси, слегка ошеломлённая, но не потерявшая присутствия духа, повела плечами, словно мотылёк, расправляющий помятые крылышки.

– Ничего у тебя не получится. Два убийства – слишком много даже для такой изворотливой скотины.

Дарранд тяжело дышал и с ненавистью смотрел на мисс Фейси, а та спокойно продолжала.

– И потом, ты уже убил одного невинного человека, зачем тебе убивать второго?

– Это ты невинна? – Дарранд злобно рассмеялся. – А кто погубил Эдну?

– Я Эдну не губила, – мисс Фейси не теряла спокойствия – это всего лишь проявление Высшей справедливости.

– Чего!? – взревел Дарранд и бросился к мисс Фейси.

– Что, а не чего, – поправила та, ловко укрываясь за огромным дубовым креслом, – останись, Чарльз, давай поговорим!

Дарранд молчал. Судя по всему, слова мисс Фейси о двух убийствах заставили его задуматься.

– Хорошо, давай поговорим, но сначала расскажи, что ты сотворила с Эдной и зачем?

Мисс Фейси покинула своё укрытие и села в кресло, жестом предложив Дарранду занять стоявшее напротив такое же громоздкое сооружение.

– Эдну, как я уже говорила, я не губила. Все было сделано её собственными руками по доброй воле. Правда, я не стала и останавливать, потому что знала, что вы вместе убили бедную, глупенькую Джейн.

– Мы не убивали Джейн, – упрямо проговорил Дарранд.

– Оставь, пожалуйста, я ведь давно поняла, что вы любовники, но ничего не говорила Джейн, не хотела её расстраивать, да и сплетничать я не люблю.

При этом заявлении на лице Дарранда выразились смешанные чувства, но спорить он не стал.

– Я поняла, что вы встречаетесь, когда Эдна по ошибке сдала мне книжку, которую взял ты. Но то, что у вас всё очень серьёзно, стало понятно, когда Эдна вдруг заинтересовалась книгами по охоте, а ты стал брать книги по икебанае и даже прочитал несколько безумно глупых любовных романов.

– Не прочитал, – мрачно проговорил Дарранд. – Не смог.

– Ну, и, слава Богу, – облегченно вздохнула мисс Фейси. Кстати, у тебя всегда был очень неплохой литературный вкус.

Дарранд оставил это замечание без комментариев.

– Но то, что вы решитесь на убийство, мне и в голову прийти не могло. Правда, когда Джейн сказала мне, что ты решил устроить пикник, я удивилась, зная, что тебя годами не вытащить на прогулку. И когда я узнала, что Джейн погибла, и свидетелем её гибели стала Эдна, всё стало ясно. При разводе ты бы потерял бизнес и дом, поэтому вы убили её.

Дарранд не возражал.

– Доказательств у меня никаких не было. Если бы я пошла в полицию с библиотечными формулярами, меня просто высмеяли бы. Поэтому я решила положиться на Высшую справедливость, и, – тут голос мисс Фейси окреп и зазвенел как колокольчик, – она как всегда не подвела меня!

– Ты хочешь сказать, что не сама подмешала Эдне отраву?

– Она сделала это сама, я просто не стала мешать.

– Но каким образом?

Безупречная честность мисс Фейси была известна всем. Дарранд понял, что она не лжёт.

– Ты слишком мало разговаривал с Джейн, считал, что она глупа и ничем, кроме кухни, не интересуется. Она действительно звёзд с неба не хватала, но домашнее хозяйство было её страстью, ты же знаешь, сколько денег она тратила на кулинарные книги. А этот сборник рецептов был настоящей драгоценностью, раритетом. Он стоил бешеные деньги, но Джейн не рассталась с ним даже когда ваши дела шли плохо, и вы нуждались.

– Глупая, старая корова, – сквозь зубы процедил Дарранд.

– Может быть и старая, но не такая уж и глупая. Я думаю, она каким-то образом узнала про ваш роман с Эдной, сказала тебе, что хочет развестись и книгу эту отдала, потому что боялась за себя и не хотела, чтобы фамильная драгоценность попала в плохие руки.

Дарранд усмехнулся.

– Не зря говорят, что у тебя в роду были ведьмы. Можно подумать, что ты присутствовала при нашем разговоре. Да, Джейн действительно каким-то образом разнюхала, что мы с Эдной встречаемся, и заявила, что разведётся, и я останусь ни с чем. Я рассказал всё Эдне, и она придумала, как избавиться от Джейн. Посоветовала притвориться, что я жажду примирения, позвать Джейн прогуляться, как в молодые годы, по скалам, столкнуть на камни, а самой выступить свидетельницей и обеспечить мне алиби.

Мисс Фейси внимательно смотрела на Дарранда и мысленно оценивала ситуацию. Она не любила театр абсурда, но прочла достаточно, чтобы понять, насколько её неторопливая беседа с убийцей напоминает сцену из произведений в этом жанре. Но деваться было некуда. Дарранд, уже совершивший одно убийство, мог совершить и второе. Конечно, существовала и Высшая справедливость, в ней мисс Фейси не сомневалась, но та обычно карала уже после преступления, и становиться причиной её проявления не хотелось. Мисс Фейси решила не впадать в панику и продолжила беседу.

– Я так и думала, девочка читала слишком много детективов, но не была способна к анализу. Иначе бы задумалась, почему книга по ведению домашнего хозяйства так странно систематизирована.

– Что значит систематизирована? – перебил мисс Фейси не владеющий библиотечной терминологией Дарранд.

Мисс Фейси даже не стала отвечать на этот элементарный вопрос и продолжила.

– Книга твоей жены была не просто книгой рецептов по кулинарии, косметике и прочим глупостям (мисс Фейси была выше женских слабостей и увлечений), а книгой очень непростых рецептов. Когда Джейн подарила мне её, то взяла слово, что я буду только показывать и никогда не выпущу из рук. Я не удивилась, книга была очень ветхой и Джейн естественно тревожилась о её сохранности. Но потом она передумала и разрешила давать читать, но только первую часть. Я сказала, что это бред – не заклеивать же мне страницы! Тогда Джейн и открыла мне тайну этой книги.

– У книги по домоводству была тайна! Какое открытие! – Дарранд злобно расхохотался, – да любая мало-мальски хорошая хозяйка держит в секрете свои рецепты.

– У этой книги была очень необычная история, Чарльз, и если бы ты хоть когда-нибудь слушал Джейн, то запомнил, с чего начался бизнес Стаффордов.

– С крестовых походов – ни раньше, ни позже!

– Именно с крестовых походов, когда в Англию был привезен пленный арабский врач, подружившийся с кем-то из Стаффордов и поведавший им секреты разных снадобий.

– И ты веришь в эту легенду?

– Не знаю, может быть это и легенда, – кивнула головой мисс Фейси, – а вот истинная правда в том, что на протяжении веков у нас в Сент-Остине иногда по необъяснимым причинам вымирали целые семьи.

– Но причём здесь эта книга? – совершенно искренне удивился Дарранд.

– Видишь ли, она передавалась только по женской линии и предназначалась для дам, которые угрожали душевному спокойствию женщин семьи Стаффордов. Она носила тайное название «Рецепты для соперниц» и любезно передавалась разлучнице, а там уж как получится – выживет или помрёт. Решение предоставлялось небесам или, – мисс Фейси выдержала паузу и злобно добавила: – Высшей справедливости!

Дарранд ошеломлённо молчал.

– В первой части книги содержались просто рецепты, – пояснила мисс Фейси, – а во второй части – рецепты, состоящие из абсолютно безобидных компонентов, но в сочетании и дозировке, приводящей к ужасающим последствиям. Леди-соперница выбирала понравившийся ей рецепт и..., как я уже говорила, выживала или умирала, а иногда, если это был кулинарный рецепт, вместе со всей семьей.

– Вендетта какая-то!

– Средние века, жестокость, дикость, – пожала плечами мисс Фейси.

– И ты дала эту книгу Эдне!

– Да, – кротко промолвила мисс Фейси, – и, судя по всему, она выбрала рецепт из второй части, так что – Высшая справедливость...

Дарранд вскочил и угрожающе поднял кулак.

Мисс Фейси вжалась в спинку кресла и зажмурилась, ожидая удара. Секунд через десять она услышала лёгкий шум, открыла глаза и к своему облегчению увидела, что Дарранд снова сел в кресло и странно спокоен, а его лицо выражает деловую сосредоточенность.

– Кто-нибудь ещё знает о секрете этой книги? – наконец подал он голос.

– Я дала слово молчать, – возмутилась мисс Фейси.

– А я возвращаю его, – Дарранд поднялся со своего места, подошёл к мисс Фейси, взял её за руку и почти дружелюбно добавил: – Более того, Кассандра, ты получишь очень неплохие

деньги, если поделишься тайной этой книги со всеми городскими сплетницами. Видишь ли, – продолжил он, – ценность антикварной вещи резко повышается, если с ней связана какая-нибудь таинственная история, а здесь их хоть отбавляй.

– Но я не собираюсь продавать эту книгу!

– А кто тебе сказал, что ты будешь продавать её? Джейн отказала тебе книгу по завещанию или передала её при свидетелях?

Мисс Фейси растерянно молчала.

– Вот видишь, я – законный наследник и сделаю с этой книгой всё, что захочу!

– И не побоишься взять её в руки? – почти прошептала мисс Фейси.

– Ещё расскажи мне о Высшей справедливости! – Дарранд откровенно издевался над старой леди. – Джейн мертва, с Эдной, как это ни печально, покончено, но она была самым слабым звеном и могла проговориться. Теперь же это исключено. Тебе же, моя заплесневелая прелесть, никто не поверит. Я здоров, свободен и возможно разбогатею. Так что не трать времени и тащи сюда книгу!

Мисс Фейси на некоторое время застыла, а потом послушно побрела в фонд. Отсутствовала она так долго, что Дарранд уже начал терять терпение. Наконец, слегка запыхавшаяся, она появилась в дверях.

– Мне самой не достать её, слишком высоко.

По длинным коридорам она провела Дарранда в большую комнату, уставленную высокими стеллажами, и показала на верхнюю полку одного из них, где мерцал тусклым золотом фолиант с рецептами.

Дарранд подтащил огромную стремянку и стал осторожно подниматься. Когда он, наконец, смог дотянуться до вожаденной книги, стремянка резко покачнулась. Дарранд ухватился за стеллаж, потянул его на себя и рухнул на каменный пол.

Прибывшие по вызову мисс Фейси почти одновременно полицейские и врачи «скорой помощи» увидели огромную пирамиду книг, из-под которой торчал внушительный мужской ботинок. Мисс Фейси с независимым видом стояла рядом. Молодому врачу из «скорой помощи» даже показалось, что он слышит лёгкое насвистывание.

– Дарранд там, – кивнула она на пирамиду.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем откопали Дарранда. Последней книгой, которую сняли с его головы, была книга рецептов семейства Стаффордов.

– Какая нелепая смерть! – обратился врач к полицейскому.

– Такая же нелепая, как у его жены, – ответил тот и покосился на мисс Фейси.

– О, да, – ответила она и слегка поморщилась. У неё болели руки. Стремянка оказалась слишком тяжёлой.

Костюмная драма

Две молодые женщины – Лора Эшем и Кандида Дамбл сидели в кафе неподалеку от Музея моды и текстиля, оживленно обсуждая свою прежнюю работу в этом учреждении, когда Лора вдруг сказала:

– В моем завещании написано, что я оставляю тебе все мои украшения, сумочки, шарфы и Стикса.

– Нет, – энергично замотала головой ее подруга, – на Стикса я не согласна, он царапается, а за украшения и шарфы спасибо.

– Я тебя очень прошу, – в голосе Лоры зазвенели слезы, – возьми Стикса, он очень умный кот, я не могу допустить, чтобы после моей смерти его усыпили или выкинули на улицу.

– Лора, ты серьезно?

– Более чем. Меня собираются убить. Уже было три попытки.

– Тебя?! – Кандида посмотрела на подругу и улыбнулась. – Ты меня разыгрываешь!

– Ну да, – грустно проговорила Лора, – кому я нужна. Я не богата, не владею опасными тайнами и даже никому не причинила зла...

– Подожди, – прервала ее Кандида, – тысячи женщин мечтают оказаться на твоём месте, и если ты не ошибаешься и действительно были попытки убийства, то это наверняка из-за Стивена!

– Да пусть они подавятся им! – неожиданно свирепо огрызнулась Лора, но быстро взяла себя в руки и тихо добавила: – Это Стивен пытается убить меня. Да, и не смотри на меня так, будто я сошла с ума. Стивен Эшем – образец английского джентльмена и Красавчик Браммел¹ в одном лице самым вульгарным образом пытался лишить меня жизни.

Говорила она с непривычным темпераментом, и Кандида мгновенно стала серьезной.

– Рассказывай.

– Когда это произошло первый раз, я решила, что мне показалось. Утром мы вышли, чтобы спуститься к завтраку, и Стивен, как всегда, галантно пропустил меня вперед. Я пошла по лестнице и вдруг почувствовала, как меня резко толкнули в спину. Я упала, но каким-то чудом зацепилась каблуком за ковер и ухитрилась схватиться за перила. Представляешь, если бы я покатила вниз?

– Мы бы сейчас не разговаривали, – ответила Кандида, – лестница у вас, как бы это поточнее сказать, готическая.

– Не то слово, – подхватила Лора, – мы даже собирались делать лифт. Но когда я спросила у Стивена, что на него нашло, он сказал, что я просто споткнулась. Ладно, мне проще было поверить, что я споткнулась, чем представить, что мой собственный муж хочет, чтобы я свернула себе шею. Но через неделю произошло нечто еще более странное.

Она отхлебнула из бокала и продолжила:

– Ты представляешь нашу спальню. Огромная кровать, а над ней столь же огромная бронзовая люстра.

– Чистый ампир, – прокомментировала ее подруга.

– Не спорю, – согласилась Лора, – и весит этот ампир немало. Так вот, вечером Стивен уехал в Лондон по срочному делу. Якобы на телевидение для консультации по костюмам в каком-то шоу. Я преспокойно улеглась спать, но Стикс, да-да, именно Стикс, вдруг соскочил с кровати и начал кругами носиться по комнате. Я поднялась за ним, и в это время люстра рухнула прямо на подушки.

– Это могла быть случайность.

– Да, но вот только Стивен не был на телевидении, я проверила. Ну а потом меня едва не задавил автомобиль, за рулем которого я разглядела Джона, преданного камердинера Стивена. Я даже успела заметить, как он чертыхнулся.

– Но зачем убивать тебя?

– В том-то и дело, – Лора пожала плечами, – ну, допустим, по какой-то причине Стивен хочет избавиться от меня, но зачем убивать? Мы же можем просто развестись, и я не раз предлагала Стивену сделать это, но он отказывался.

– Ты просила Стивена о разводе?!

– Да, – просто ответила Лора, – и ты бы так сделала. Вспомни историю нашего брака. Я, скромный экскурсовод в музее, и великий Стивен Эшем, историк моды, ведущий нескольких телешоу и автор знаменитого «Чемодана джентльмена». Помнишь, что писали об этом?

– Помню совершенно идиллическую историю про то, как он пришел в наш музей и увидел тебя, едва выделявшуюся на фоне занавески, влюбился с первого взгляда, а дальше вы начали встречаться и...

– Остановись, Кандида, – прервала ее Лора, – главные слова ты сказала. Я едва выделялась на фоне занавески, такая милая музейная мошь. И именно это пленило Стивена.

– Не понимаю.

– Все очень просто. Стивен, как истинный творец, чувствовал, что ему чего-то не хватает, и когда увидел меня – пришло озарение. Ему не хватало фона, нового аксессуара, и им стала я.

– Что ты хочешь сказать этим?

– Ничего, кроме того, что Стивен, с его неповторимым чутьем, понял, что из столь невыразительной девицы, которая действительно едва выделялась на фоне бежевой занавески, можно сотворить все что угодно. Пойми, все в нашем доме – Джон с огромной лысиной, наши собаки – рыжая Клио и белоснежный Ральф, – все направлено на то, чтобы оттенять его великолепную особу. Мы подбираемся к его костюмам. Несчастный Стикс, которого я нашла на улице, – обычный вульгарный серо-полосатый кот. Он не гармонирует ни с нашим интерьером, ни с каким-либо из домашних костюмов Стивена. Если меня убьют, то кота сразу же выбросят на улицу. Поэтому я и прошу тебя позаботиться о нем. Ну а возвращаясь к Стивену, скажу, что моя бесцветность давала ему широчайшие возможности. С помощью косметики из меня можно было делать все что угодно. Стивен превращал меня то в эффектную брюнетку, то в нежную блондинку – в зависимости от его собственного образа в данный момент. Одежду и все остальное также подбирал он. Я носила парики в цвет полосок его рубашек, линзы под цвет галстуков, а тон моей кожи варьировался в зависимости от цвета его замшевых и кожаных курток.

– Мне казалось, что тебе это нравилось.

– Первых два года – очень. Это же интересно – каждый раз превращаться во что-то новенькое и бывать среди знаменитостей. Но потом, представь, быть манекеном надоело.

– Ты взбунтовалась?

– И не подумала. Просто предложила развестись, но, когда Стивен отказался, все осталось по-прежнему. Я продолжаю сопровождать его в качестве дополнения к какому-нибудь необыкновенному костюму и иногда чувствую себя просто подкладкой для пиджака.

– Представим, что ты права и Стивен действительно пытался убить тебя, но почему он решил сделать это сейчас?

Лора, не задумываясь, ответила:

– Знаешь, он ведь сумасшедший, а у них своя логика. Стивен абсолютно помешан на образе английского денди и подражании великому Браммелу. У нас в доме все увешано его портретами, а обедать Стивен выходит в голубом сюртуке и с тростью. Джон прислуживает ему в костюме слуги тех времен, хотя, по-моему, более чем нормален, так как очень искусно подворовывает. Я бы давно открыла Стивену глаза, но Джон великолепно готовит, а одежды,

которую он таскает у моего мужа, столько, что можно просто не обращать внимания на пропажи. Некоторые вещи Джон продает, некоторые носит в свои выходные дни и даже не боится хранить их в своей комнате. Оба, и хозяин, и слуга, зациклены на одежде. Не тот оттенок пуговиц может повергнуть Стивена в шок. Но если серьезно, то для него главное – быть в центре внимания. Так же как Браммел, он хочет непрерывно производить эффект своей экстравагантностью и войти в историю.

– Кстати, Браммел плохо кончил. Если не ошибаюсь, он умер в сумасшедшем доме, – встала Кандида.

– Но Стивен, прежде чем попасть туда, успеет убить меня, – мрачно проговорила Лора и замолчала.

– Может быть, ты чем-то задела его чувства или оскорбила?

– Оскорбить его чувства может только то, что касается одежды и славы арбитра моды в Британии, а с этим все в порядке... Хотя, – она задумалась, – недавно его концепцию английского дендизма высмеяли в двух очень солидных изданиях, а неделю назад Стивен пришел в бешенство от того, что не попал на похороны герцога Уилтширского. А это значит, что его откровенно проигнорировали. Но, если честно, то я не особенно в курсе его дел.

– Может быть, я сумею выяснить через знакомых на телевидении, насколько все серьезно. А ты, пожалуйста, будь осторожной.

Через два дня, когда подруги встретились вновь, Лора выглядела приятно взволнованной.

– Вчера вечером меня пытались убить щипцами для завивки! – с каким-то радостным возбуждением сообщила она. – Я собиралась принять ванну, и, когда уже засунула ногу в воду, услышала, как за дверью мяукает Стикс. Я стала открывать дверь и заметила провод, который тянулся над ванной. Если бы я сразу вошла в ванну, то не заметила бы его, и включенные щипцы свалились бы в воду – со всеми вытекающими последствиями. То есть мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– А вечером, – продолжила она, – было еще интереснее. Джон очень трогательно предложил мне выпить молока ночью, и я с благодарностью приняла стакан. Но не выпила, а просто чуть-чуть добавила Стивену в чай.

– Но это же так рискованно!

– На войне как на войне! – с вызовом ответила Лора. – К тому же с ним ничего не случилось, просто мгновенно уснул часа на три. А из этого следует, что в стакане была лошадиная доза снотворного, от которой я, скорее всего, не проснулась бы. Ужасно примитивно.

– А ты не хочешь просто уехать от Стивена в какое-нибудь безопасное место? – очень серьезно спросила Кандида.

– Ни за что! – с вызовом ответила Лора. – Я так долго подавляла свою индивидуальность, что сейчас просто наслаждаюсь возможностью хоть как-то проявить себя. Во мне проснулся азарт охотника.

– По-моему, сейчас в качестве добычи выступаешь ты, – возразила Кандида.

– Не совсем, – возразила Лора, – я пытаюсь понять, почему меня пытаются убить, иду по следу, а главное, мне ужасно интересно узнать, какой ход будет предпринят дальше, и попробовать обыграть противника.

– Меня поражает твое легкомыслие, – проговорила ее подруга. – Пока ты наслаждалась игрой в охотника, я навела справки и узнала, что дела у твоего мужа идут далеко не блестяще. Он стремительно теряет свою популярность. Его сняли с нескольких программ и не пригласили на следующий год ведущим в «Силуэт дня». У Стивена Эшема серьезные проблемы, дорогая Лора, и, видимо, твоей смертью он пытается поправить свои дела. Ты действительно уверена, что у тебя нет какого-то неизвестного родственника, который оставил тебе наследство?

– Абсолютно, – твердо сказала Лора, все мои родственники живы, здоровы и небогаты, а главное – Стивен не нуждается в деньгах, он только что купил кучу невероятно дорогих подарков для целой оравы гостей некоего шотландского лорда. Видишь ли, нас пригласили на Рождество в Шотландию. Какой-то замок – то ли в горах, то ли посреди озера – в общем, полностью удален от цивилизации. Мы полетим на вертолете и целую неделю будем отрезаны от всего мира в обществе последователей классического английского дендизма с моим Стивеном во главе.

– Ты не должна туда ехать! – решительно сказала Кандида. – Ты же понимаешь, что там будет легко отделаться от тебя. И потом, что мешает тебе обратиться в полицию?

– А доказательства? У меня же ничего нет, кроме собственных слов. И потом, видишь ли, и Стивен, и Джон все время кого-то изображают. В глазах общества мистер Эшем – истинный джентльмен и денди, а Джон – идеальный английский слуга. В действительности Стивен – сумасшедший сноб, а Джон – обычный мошенник. К тому же, если говорить о покушениях, оба – потенциальные убийцы. Должны же они когда-нибудь обнаружить свое истинное лицо!

– Лора, не понимаю, какое отношение эти философские рассуждения имеют к опасности, которой подвергается твоя жизнь?

– Сама не знаю, но мне кажется, что если я помогу правде выйти наружу, то исчезнет и опасность.

Кандида с сомнением посмотрела на подругу.

– Иногда мне кажется, что безумие может быть заразно.

Рождественские праздники прошли у Кандиды тревожно. Она несколько раз звонила Лоре, но абонент был недоступен. Родители Лоры тоже не получали никаких известий, но были безмятежно спокойны. Никаких сообщений о происшествиях в семье Стивена Эшема не поступало, пока в один прекрасный день Кандида не прочитала в Интернете, что знаменитый телеведущий и историк моды попал в больницу. Позвонив нескольким знакомым на телевидении, Кандида узнала, что пострадал не только Эшем, но и его слуга, причем больница, в которую попал Эшем, судя по всему, психиатрическая. Слухи нарастали как снежный ком. Рассказывали, что обезумевший Эшем носился с алебардой, которую сорвал со стены, за своим слугой Джоном по всему замку, а тот позволил себе отражать удары тяжелым средневековым табуретом. Про Лору Эшем ничего не говорилось.

Кандида изнемогала от неизвестности еще целых три дня, но на четвертый ей позвонила Лора и предложила встретиться у нее дома. Стол, украшенный большим букетом цветов, был сервирован под огромным портретом Красавчика Браммела, а Лора, сияющая и на удивление умиротворенная, держала в руках небольшой, перевязанный черной шелковой лентой пакет, который передала Кандиде.

– Что это?

– Небольшой подарок и объяснение, почему меня собирались убить.

Кандида развернула пакет и обнаружила красивое черное, строгого фасона платье и небольшую изящную черную шляпку с вуалью, напоминающей черную фату.

– Что это?!

– Твой траурный наряд. Первое, что я сделала, когда приехала сюда, то взломала дверь в гардеробную Стивена. Ключ он всегда держал при себе. Просто комната Синей Бороды. Здесь я и обнаружила это.

Они проследовали в просторную гардеробную, где Лора торжественно открыла дверцы одного из шкафов. Там в идеальном порядке были развешаны несколько черных костюмов и одно лиловое платье.

– Бедный Стивен решил убить меня, чтобы организовать грандиозные похороны и блеснуть потрясающими траурными туалетами. Это был реванш за пропущенные похороны герцога Уилтширского и неудачи на телевидении. Он придумал и заказал траурные одежды – для

себя, для моих родителей, для тебя – моей лучшей подруги. Это должно было стать настоящей сенсацией и шансом вновь взойти на модный Олимп.

– Да уж, – Кандида заглянула в шкаф. – А это для кого? – она кивнула на лиловое платье.

– Для меня, – лаконично ответила Лора и продолжила: – А в замке все прошло даже лучше, чем я ожидала. Я решила сама собрать чемодан для Стивена, вернее, заменила то, что собрал Джон, на вещи, которые он украл у своего хозяина. А мистер Эшем очень много ждал от этого Рождества. Публика в замке самая избранная, и, как ты понимаешь, он хотел блеснуть. Можешь себе представить его реакцию, когда вместо новых, тщательно подобранных костюмов, рубашек и прочего он обнаружил свои украденные и вышедшие из моды вещи!

– Что-то говорили об алебарде, – пробормотала Кандида.

– Нет-нет, – это был всего лишь старый зазубренный меч, но размахивал Стивен им весьма воинственно и бегал за Джоном очень быстро. А тот вел себя самым неподобающим образом – обзывал хозяина и некоторое время довольно удачно отбивался ногами. Но потом Стивен все-таки настиг и ранил своего неверного вассала. Гости, к счастью, не пострадали, хотя Стивен пытался проткнуть мечом тех, кто был одет наиболее элегантно. Слава богу, кто-то сообразил накинуть на него гобелен, иначе ситуация могла обернуться трагически.

– А так? – спросила Кандида.

– А так, – улыбнулась Лора, – мечта Стивена Эшема сбудется, он повторит судьбу своего кумира и закончит дни в психиатрической клинике.

– Ты будешь навещать его? – спросила Кандида.

– Если подберу соответствующий костюм. Это подойдет? – и она протянула руку к лиловому платью.

Смешение жанров

Рейчел Макфейл устало откинулась на спинку дивана и попыталась сосредоточиться. Нужно было наконец собрать вещи Энн и освободить квартиру. Её сестра пропала два месяца назад. Вышла в шесть часов вечера из «Амброзии» – издательства, в котором работала, и растворилась в лондонском тумане. Инспектор Грейсон, ведущий расследование, пытался утешить Рейчел – за время его долгой службы в полиции случалось, что пропавшие девушки иногда появлялись в самом неожиданном месте с обручальным кольцом – или разбитым сердцем. Рейчел ценила его доброту, но вся одежда Энн была на месте, холодильник забит едой, и скрываться ей было не от кого. Полицейские честно отрабатывали все версии – от убийства до самоубийства, и всё безуспешно. Энн была безупречна, как Мэри Поппинс. Ни страстей, ни недостатков, полностью поглощена работой в издательстве, подруг нет, мужчин тоже. Инспектор Грейсон после осмотра квартиры сообщил, что от такого порядка просто жуть берёт, а его молодой помощник Дерли недоверчиво рассматривал фотографию Энн, словно не веря, что симпатичная двадцативосьмилетняя девушка может быть настолько безлика.

– Неужели у вашей сестры совсем не было недостатков?

Рейчел задумалась.

– Пожалуй, был один, хотя его можно рассматривать и как достоинство.

– И какой же? – с надеждой спросил Грейсон.

– Энн была очень честолюбива.

– Это работая редактором? – удивился инспектор.

Рейчел грустно улыбнулась. Она сама не могла понять, почему её талантливая сестра работала в издательстве, специализирующемся на литературе для лёгкого чтения – детективах, любовных и приключенческих романах. Энн всегда стремилась к успеху. Она была первой ученицей в школе, блестящей студенткой и жаждала известности, которой добилась в пределах университета, и вроде бы не собиралась останавливаться. Но во время учёбы стала подрабатывать редактурой в «Амброзии», где и осталась после окончания университета, трудясь с утра до вечера, что подтвердило и полицейское расследование. Насколько серьёзно разрабатывалась версия убийства Энн, Рейчел поняла, когда инспектор как бы ненароком поинтересовался, почему обе сестры посвятили себя детективному жанру, хоть и в разной плоскости. Энн их редактировала, а Рейчел – изучала. Из этого Рейчел сделала вывод, что Грейсон мог допустить, что она, как специалист по английскому детективу (а именно ему была посвящена её научная работа), могла использовать свои знания при устранении сестры. Впрочем, когда было установлено, что Рейчел всё последнее время провела в научной командировке в Эдинбурге, а её переживания абсолютно искренни, инспектор проникся к девушке симпатией и вёл длинные, не относящиеся к следствию литературоведческие споры.

– Вот вы изучаете детективы... – начинал он.

– Пытаюсь, – скромно отзывалась Рейчел.

– Ваши классические детективы, – продолжал инспектор, – полная чушь. Преступления там совершаются из-за страсти, добро побеждает и зло всегда наказано.

– Не могу с вами согласиться, – возразила Рейчел, – в некоторых классических детективах возможно...

– Чушь собачья ваш классический детектив! – темпераментно прерывал её инспектор. – Ничего общего с жизнью. Преступник, перед тем как убить жертву, долго и занудно рассказывает, почему он это делает. Жертва, которая уже предпочитает, чтобы её убили, только бы не выслушивать, успевает сбежать. Любители, всякие экстравагантные иностранцы или безобидные старые девы распутывают преступления! Нет! Я предпочитаю крутой детектив. Там, во

всяком случае, есть настоящий мотив – деньги, страх, месть и действие, моя дорогая, действие. Хорошая драка, стрельба и погоня – вот что нужно читателю!

Рейчел молчала, и это ещё больше распаляло инспектора.

– Да, я знаю, вы хотите сказать, что Хеммет и Гарднер тоже вруны, но там хотя бы нет сладких соплей! И запомните, дорогая мисс Макфейл, почти все преступления совершаются из корысти, а злодеи часто гуляют на свободе.

– Запомню, – кротко соглашалась Рейчел.

– Кстати, о злодеях. Установлено, что единственным человеком, который заходил к вашей сестре после её исчезновения, была одна старая леди, весьма респектабельная на вид. Не знаете, кто это мог быть?

– Нет, не знаю.

– Очень печально, – вздыхал инспектор, – никакого мотива и никакой зацепки, впервые вижу такую безупречную барышню. Может быть, вспомните ещё какой-нибудь недостаток?

– Богатое воображение – недостаток?

Инспектор пожал плечами.

– Боюсь, что нет. А ваша сестра обладала богатым воображением?

– В детстве придумывала сказки, в юности много фантазировала, а потом как-то ушло. Переключилась на чужие сочинения.

– Это нам тоже ничего не даёт, – нахмурился инспектор. – Ладно, если что-нибудь вспомните или найдёте то, что сможет помочь, позвоните и, главное, помните – жизнь и ваш классический детектив не одно и то же. В жизни у детективов бывает и плохой конец. Поэтому не пытайтесь разыгрывать из себя мисс Марпл.

Рейчел и не думала проводить собственное расследование, для этого у неё не было, как уже говорил инспектор, никаких зацепок. Энн исчезла, не оставив никаких следов. Пропал даже ноутбук, на котором она работала, но полицейских это не заинтересовало, так как она могла взять его с собой. Не насторожило их и то, что среди одежды и обуви Энн оказались очень дорогие бренды, которые на скромную зарплату редактора купить было невозможно. Энн работала круглые сутки и вполне могла брать «халтуру», а деньги тратить на всякие женские штучки. Но Рейчел не сомневалась, что существовала какая-то тайна. Её сестра никогда бы не смирилась с ролью скромного редактора. Тогда почему она оставалась в «Амброзии» и не нашла себе другую работу?

Ответов на эти вопросы не было, и, когда хозяин квартиры намекнул, что хотел бы сдать её другому жильцу, Рейчел наконец решилась. Сборы одежды заняли не много времени. Она просто покидала вещи в чемоданы. Сложнее было освободить огромный стеллаж с книгами – в основном различными словарями, энциклопедиями, справочниками и классикой. Рейчел старалась не отвлекаться на чтение, складывала всё в коробки не просматривая, как вдруг наткнулась на четыре книжки в вызывающе ярких обложках. Это были произведения Роберта Тоулленда, знаменитого автора авантюрных женских романов. Каждая его книга становилась бестселлером, а сказочно богатый Тоулленд был в своём роде звездой. Фотографии его загородных домов и яхт публиковались на страницах глянцевого журнала, а сам он очень неплохо смотрелся на обложках книг – элегантный, загорелый шестидесятилетний красавец с львиной гривой седых волос. Личная жизнь Тоулленда внушала уважение. Он долгие годы состоял в браке с совершенно невзрачной особой, проявляя редкое для бывших актёров постоянство, несколько лет назад овдовел, и горе его, видимо, было сильным, так как почти год он не радовал публику своими романами. Рейчел вертела книги в руках и не понимала, каким образом они могли оказаться в библиотеке Энн. Её сестра никогда не хранила то, что редактировала, а к подобной литературе относилась с откровенным презрением. Так или иначе, надо было собраться с духом и просмотреть эти творения. Рейчел выбрала самую маленькую книгу под интригующим названием «Ночь приходит в полдень» и начала читать. Это была история про

девушку, которая из-за негодяев попадает в тюрьму, досрочно освобождается, после того как спасает во время пожара любимую собаку начальника, становится певицей с мировым именем, жестоко мстит врагам и выходит замуж за шейха, получившего европейское воспитание. Рейчел быстро пролистывала эту муть, написанную, кстати, хорошим литературным языком, пока не наткнулась на эпизод, где спрятавшаяся за окном героиня, обливаясь слезами, наблюдает за детским праздником. Это было описание дня рождения Рейчел! Ей тогда соорудили корону из вереска и подарили чёрного карликового пуделя. И даже имя пуделя совпадало – Чарли! Рейчел схватила вторую книгу под названием «Белоснежный траур» и уже на двадцатой странице обнаружила семейное предание об их шотландской прабабушке, в юности потерявшейся в горах. Её девичью фамилию носила главная героиня, а главный злодей получил внешность и фамилию преподавателя, поставившего Энн её единственную за всё время учёбы четвёрку. На третью книгу Рейчел даже не стала тратить время. Прочитанного было вполне достаточно, чтобы понять – книги написаны её сестрой, которая была «литературным негром» Тоуланда. Осталось только выяснить, имеет ли это отношение к её исчезновению.

Встретиться с Тоулэндом оказалось совсем несложно. Только-только вышел в свет его новый шедевр, и почитательницам таланта предоставлялась возможность купить книгу с автографом автора. Рейчел приехала к книжному магазину, терпеливо выстояла очередь к столику, за которым сидел романист, и протянула ему книгу. План, по которому она собиралась действовать, был до примитивности прост.

– Как вас зовут? – любезно спросил Тоулэнд.

– Напишите, пожалуйста: Рейчел Макфейл и её сестре Энн Макфейл с наилучшими пожеланиями, – невинным голосом проговорила Рейчел.

Тоулэнд вздрогнул и выронил ручку.

– Вы сестра Энн?

– Да, вы же знакомы?

– Энн редактировала несколько моих книг.

– Три, если не ошибаюсь, – в своём дневнике она очень подробно описала вашу совместную работу.

– О, она вела дневник? – удивился Тоулэнд.

– Да, и забыла его, когда навещала меня в Эдинбурге. Хотите ознакомиться?

– С удовольствием. Где и когда? – произнёс Тоулэнд, закрывая книгу.

Рейчел отметила про себя, что он ничего не написал, и возликовала. Всё шло по намеченному плану.

– Завтра, в доме у Энн, в шесть часов вечера, вам удобно?

– Вполне, – Тоулэнд кивнул, давая понять, что разговор закончен, и протянул руку за книгой следующей поклонницы. Адресом Энн он не поинтересовался.

Выйдя из магазина, Рейчел позвонила инспектору Грейсону и коротко рассказала о своей встрече с Тоулэндом. Инспектор не выразил ожидаемого восторга.

– Прежде чем действовать, вам следовало сообщить нам, мисс Макфейл. В таких делах должны действовать профессионалы. Тоулэнд может быть очень опасен!

– Поэтому я и позвонила вам, – обиделась Рейчел. Она хотела сказать, что именно любитель вышел на человека, возможно, причастного к исчезновению её сестры, но промолчала. Портить отношения с Грейсоном было неразумно.

– Завтра мы с Дерли будем у вас, – продолжил инспектор, – а пока я настоятельно прошу вас ничего не предпринимать самостоятельно!

Рейчел и не собиралась. Честно говоря, она отчаянно трусила.

Возвратившись в квартиру Энн, Рейчел тщательно заперла дверь и, чтобы перестать волноваться, взяла томик Агаты Кристи, который всегда приносил ей успокоение. Но читать не

смогла, прилегла на диван и задремала. Когда она открыла глаза, то увидела Тоуланда, непри-
нуждённо устроившегося в кресле рядом с диваном.

- Как вы вошли? – вскрикнула Рейчел.
- У меня есть ключ, – спокойно ответил тот.
- Откуда?!
- От вашей сестры.
- А где она?
- У меня в поместье.

Рейчел была готова расплакаться от радости. Энн жива и в безопасности!

- Если вы дадите мне чашечку чая, то я всё вам расскажу.

Когда Рейчел возвратилась в комнату с подносом, то застала Тоуланда в той же позе в кресле, руки он почему-то держал в карманах.

- Боюсь, что вы забыли сахар.

Рейчел метнулась на кухню, поставила сахарницу и с нетерпением приготовилась слу-
шать.

– Я советую вам выпить чаю, – проговорил Тоулэнд, – ничто так не успокаивает, не правда
ли?

Рейчел послушно сделала несколько глотков. Тоулэнд тоже взял чашку – и Рейчел поперхнулась. На его руках были кружевные дамские перчатки.

– Да-да, – Тоулэнд улыбнулся, достал из кармана старомодные очки в роговой оправе, надел их, завернул свои длинные волосы в пучок и словно по волшебству превратился в респек-
табельную старую даму.

Рейчел хотела задать вопрос, но от страха не могла вымолвить ни слова.

– Вы забыли, что я когда-то был актёром, и очень неплохим. Длинный плащ, шляпка, седые волосы – и вот перед вами старая леди. Этот очаровательный образ я использовал, когда заходил сюда, чтобы забрать ноутбук Энн. Скоро вы крепко-крепко заснёте, моя дорогая, а чтобы нам не было скучно, я расскажу вам историю, которой ужасно хочется поделиться, тем более вы будете моей единственной слушательницей.

Рейчел неожиданно для себя зевнула.

– Я подсыпал вам в чай огромную дозу снотворного, – мило промолвил Тоулэнд. – Вашей сестре я тоже дал его, только меньшую дозу. Когда я сказал, что Энн у меня в поместье, я не солгал. Она в одном из прудов.

Рейчел почувствовала дурноту и попыталась встать.

Но Тоулэнд вынул и направил на неё револьвер.

– Не советую ничего предпринимать. Не заставляйте причинять вам боль, мне этого совсем не хочется. Так вы просто уснёте и не проснётесь. В любом случае, с помощью сно-
творного или выстрела, но я сделаю так, чтобы это было принято за самоубийство, которое вы совершили, не пережив исчезновения своей сестры.

Рейчел опустилась в кресло и стала судорожно соображать, как спастись.

- Инспектор Грейсон знает о вас.

– Ну и что, меня здесь не было, к вам приходила неизвестная пожилая дама, пусть поищут, а я сейчас нахожусь на свидании с одной из своих поклонниц, которая подтвердит всё, что я скажу, можете не сомневаться.

Тоулэнд, похоже, просто наслаждался ситуацией.

– Я просто счастлив, что могу наконец кому-то всё рассказать. Вы будете моим тростни-
ком. Помните историю про царя Мидаса?

Это был неудачный пример. В истории об ослиных ушах царя Мидаса как раз говори-
лось, что тайна, поведанная тростнику, который потом превратился в флейту, стала известна
всем. Рейчел стала озиаться, чтобы найти предмет, который помог бы ей поведать миру о

случившемся, и вспомнила, что не выложила из кармана джинсов мобильник. Но достать его было невозможно.

А тем временем Тоулэнд своим хорошо поставленным голосом продолжил рассказ.

– Ваша сестра начала работать со мной, пока училась, а так как была умной девочкой, то сразу же поняла, что все мои романы написаны другим человеком. Автором была моя жена Милдред. Почему она не стала публиковать их под своим именем? Очень просто. Это был маркетинговый ход. Милдред сама предложила мне стать автором. Она была талантлива, а я довольно известен, и мои фотографии на обложке привлекали внимание женщин – нашего основного читателя, как вы понимаете. Книги имели успех, и мы разбогатели. Но, – он вздохнул, – Милдред умерла, и мне пришлось изобразить, что я не могу писать из-за горя. И тут подвернулась Энн, которая сама предложила помощь.

Рейчел зевнула.

– У вас осталось ещё десять минут, дорогая, я успею закончить, – мягко прожурчал Тоулэнд. – Итак, наше сотрудничество с Энн было плодотворным. Она писала, а я очень щедро платил. Это могло бы продолжаться долго, но ваша сестра вдруг заявила, что хочет стать моей женой, ей захотелось не только денег, но и положения жены знаменитости со всеми вытекающими последствиями. А когда я отказался, пригрозила, что раскроет, кто истинный автор моих произведений, и станет известной, но уже иным образом. Я бы женился на Энн, она была в своём роде милой девушкой, но понял, что она не остановится и после моей смерти непременно объявит о своём авторстве.

Рейчел подумала, что тут он не ошибся, а Тоулэнд продолжил:

– Я предложил ей приехать ко мне. Избавлю от подробностей, могу только уверить, что проделано всё было безупречно и свидетелей не было. А потом появились вы с историей о несуществующем дневнике. Энн была не из тех женщин, которые ведут дневники, но я понял, что вам что-то известно, – он почти с жалостью посмотрел на Рейчел, – и вам придётся... уснуть.

Рейчел, стараясь побороть подступающий сон, стала рассматривать свою чашку, чтобы сконцентрировать на чём-то внимание. Разглядывая трещинку и крошечные лиловые цветы на фарфоре, она снова зевнула. Это заразительно подействовало на Тоулэнда, который тоже несколько раз протяжно зевнул. И Рейчел осенило.

– Засну не я, а вы, – медленно, но внятно, хотя язык уже плохо слушался, проговорила Рейчел. – Я дала вам высказаться, чтобы узнать правду. А теперь послушайте-ка вы меня. – Она выдержала паузу и сглотнула, чтобы снова не зевнуть. – Я поменяла чашки, потому что на моей трещина, и снотворное – в вашей. Чувствуете сонливость?

Тоулэнд широко раскрыл глаза, зевнул и замер.

Рейчел вскочила, поднесла к его носу чашку, демонстрируя трещину, и опрокинула стол. Тоулэнд упал, и в ту же секунду Рейчел выскочила из комнаты и закрылась в ванной. Она опустилась на пол, чувствуя, что вот-вот заснёт, достала мобильник и с трудом набрала номер инспектора Грейсона. В это время раздались сильные удары в дверь, а затем грянул выстрел. Тоулэнд, совершенно обезумев, пытался выбить замок.

– Алло, алло! Что случилось, мисс Макфэйл? Говорите! – услышала Рейчел встревоженный голос инспектора.

– Спасите меня, – только и смогла прошептать Рейчел и провалилась в глубокий сон. Сколько он продлился, она не знала. С ней что-то делали, куда-то несли, что-то кололи, и когда Рейчел наконец открыла глаза, то увидела склонившегося над ней инспектора Грейсона. На лбу его красовалась огромная шишка.

– Как вы себя чувствуете? – участливо спросил он.

У Рейчел не было сил говорить.

– Да-да, – сочувственно произнёс Грейсон, – промывание желудка не самая приятная процедура, но зато какое дело! – он потёр шишку. – Мы еле справились с этим писакой! Он отстреливался, ранил Дерли, двинул мне стулом по голове!

Похоже было, что Грейсон в полном восторге.

– Он не писатель, – слабо проговорила Рейчел.

– Знаю, – махнул рукой инспектор, сел на стул и смущённо посмотрел на Рейчел. Видно было, что ему неудобно беспокоить её, но сдержаться он не может.

«Неужели он и сейчас будет говорить о детективах?» – измученно подумала она.

– Я понимаю, что вам не до этого, – начал неугомонный инспектор, – но как специалист скажите, ведь это – настоящий крутой детектив?!

– Нет, типичное смешение жанров, – прошептала Рейчел и приготовилась к продолжению беседы.

Кукольный домик

В доме Дорис Линли даже у самого отъявленного пессимиста поднималось настроение. Все комнаты этого оригинального жилища были завалены куклами. С люстр свисали гирлянды крошечных эльфов, на столах, диванах, стульях, полках сидели и лежали феи и ведьмы вперемежку с изящными фарфоровыми куклами в стиле ретро и шаржевыми копиями поп-звёзд и политических деятелей. Хозяйка и создательница всего этого великолепия сама была похожа на куклу – крошечная, хрупкая женщина с огромной копной кудрявых пепельных волос и яркосиними глазами. В данный момент они были полны слёз. Она крепко держала за руки сидящую напротив высокую, спортивную девушку и громко всхлипывала.

– Может быть, ты всё-таки расскажешь мне, что случилось?

– У нас творится что-то неладное, мои куклы взбесились.

Шерил с облегчением вздохнула. Утром, услышав отчаянные рыдания подруги по телефону, она решила, что случилось какое-то серьёзное несчастье, а это, по-видимому, была обычная блажь художницы, находящейся в творческом кризисе.

– Почему ты так решила? – устало спросила она.

– Пойдём, сама увидишь.

Дорис легко поднялась с кресла и повела её в мастерскую – просторное, светлое помещение, находящееся под самой крышей. Шерил очень любила бывать там и наблюдать за работой Дорис, особенно, когда та делала своих шаржевых кукол. Они стоили баснословно дорого, и обычно их заказывали на подарки знаменитостям или просто очень богатым людям. Прежде чем приступить к работе, Дорис собирала информацию о прототипе, изучала его фотографии, и в результате получался маленький шедевр – кукла, обладавшая не только внешним, но как будто и внутренним сходством. Поговаривали, что те, кому дарили кукол, иногда открывали в себе глубины, о которых не подозревали, но это только придавало пикантности подарку. Популярность произведений Дорис росла вместе с доходами, которыми она щедро делилась со своей старшей сестрой Эдной и мужем, бывшими у неё «на подхвате». Эдна шила костюмы и делала аксессуары, а Джордж помогал, когда работы было слишком много. Сам он писал неплохие пейзажи, был начисто лишён амбиций, и в маленьком кукольном королевстве Дорис, казалось, царил поистине сказочное благополучие. Так, во всяком случае, казалось Шерил, пока она поднималась по лестнице в мастерскую. У входа Дорис немного помедлила, словно не решаясь зайти, а потом рывком распахнула дверь. Шерил ахнула. Куклы, обычно аккуратно разложенные на столах, словно разметала буря. Но в этом хаосе была какая-то зловещая логика. Казалось, что между куклами шла яростная борьба. Дорис подошла к столу и разлепила двух вцепившихся друг в друга эльфов. У одного из них было оторвано крыло, у другого выбит глаз.

– Каждый день что-то новенькое, вчера пострадали только животные, – она кивнула на полку, где лежали два игрушечных коня с оторванными хвостами, – а позавчера всадники. – Дорис подняла салфетку, которой были укрыты фигурки рыцарей с аккуратно отрезанными головами.

– И давно это происходит? – спросила Шерил.

– Уже неделю. Всё началось с того, что я обнаружила у себя в спальне вот это, – Дорис указала на куклу – толстенького солидного мужчину итальянского типа в восхитительно сшитом смокинге. – Я сделала его десять дней назад по заказу Тонио Бондоне, мы с тобой как-то были у него в ночном клубе. И, по-моему, получилось очень неплохо.

Шерил взяла куклу в руки. Выполнена она была безукоризненно, но физиономия вызвала смешанные чувства – надменная, туповатая и злобно-трусливая.

– Слушай, а он не обиделся?

– Кто? Тонио? Вряд ли. Он сам дал мне фотографии и журналы, где я прочитала всё про этого типа, – она крошечной расчёской привела в порядок усики куклы. – Очень простая модель, без подтекста. Делать было просто. Обыкновенный владелец казино, ночных клубов и борделей. Тонио сказал, что сходство поразительное!

Шерил отметила про себя, что в таком случае модель вряд ли была польщена.

– И что же дальше?

– А одним прекрасным утром я нахожу его у себя на постели в такой непринуждённой позе: лежит на подушке, нога на ногу, только что не курит. Я даже позвала Эдну и Джорджа полюбоваться.

– А как он мог попасть туда?

– Понятия не имею. Наверное, зашвырнули в окно, оно было раскрыто. И представь себе, с этого самого дня в мастерской стало происходить что-то невообразимое. Вечером оставляю кукол в полном порядке, а наутро – разгром и драки. Поэтому я вызвала тебя, ты же психолог.

– Я детский психолог, Дорис!

– Ну вот и разберись в кукольной психологии!

Шерил разозлилась. Накануне у неё был тяжёлый рабочий день, люди с настоящими, серьёзными проблемами, а здесь – кукольные разборки!

– Послушай, Дорис, у меня нет ни времени, ни желания заниматься этой чушью. Хочешь играть – найди себе какого-нибудь аниматора и развлекайся!

Она не стала прощаться и вышла из мастерской, громко хлопнув дверью.

Прошло несколько дней, от Дорис не было никаких известий, и хотя Шерил была уверена в своей правоте, её не оставляло чувство какой-то смутной тревоги. Наконец, она не выдержала и поехала к подруге. Дверь отворила Эдна. Шерил в очередной раз удивилась, как у одних родителей могут родиться такие разные дети. Скромная и абсолютно бесцветная Эдна казалась полной противоположностью своей сестры. После смерти родителей она взяла на себя все рутинные дела, вела бухгалтерию, переписку и договаривалась с заказчиками. И это было в высшей степени благородно, так как когда-то Эдна сама блеснула в несколько неожиданном для женщины батальном жанре. Её картины из серии «Атака лёгкой кавалерии» имели успех и репродуцировались в учебниках истории в качестве иллюстраций к одному из самых трагических эпизодов Крымской войны, когда был уничтожен цвет британской армии. Умирающие и раненые солдаты, растерзанные взрывами кони были написаны с душераздирающим натурализмом. Шерил с Дорис терялись в догадках, откуда у невыразительной Эдны взялась такая экспрессия, и пришли к выводу, что, вероятно, у неё была какая-то несчастная любовь, и в выписывание агонии, ран и прочих бедствий войны Эдна вложила всю свою ненависть к покинувшему её мужчине и заодно ко всем представителям сильного пола.

Похожими у сестёр были только роскошные шевелюры, а для Эдны волосы являлись единственным украшением и единственной слабостью. Этим утром она позволила им свободно лежать на плечах, что несколько диссонировало со строгим брючным костюмом и мрачным выражением лица.

– Как ваши дела? – светски поинтересовалась Шерил.

– Отвратительно, – ответила Эдна и, не вдаваясь в подробности, посторонилась, давая Шерил пройти.

Та сразу же поднялась в мастерскую. Там царил полный порядок – все куклы, словно трупы в морге были накрыты простынями, а Дорис, сложив на коленях руки, тихо сидела на диванчике.

– Что произошло?

– Ничего, – бесцветным голосом ответила Дорис, – просто выяснилось, кто уродовал моих кукол.

– И кто же?

– Я, – также спокойно ответила Дорис и приподняла простыню, – полюбуюсь.

Шерил поморщилась от отвращения. Можно было подумать, что над творениями Дорис поработал какой-то кукольный Джек Потрошитель, – у одних кукол были оторваны руки и ноги, у других – отрезаны носы.

– Но почему ты думаешь, что это сделала ты? Ты же мухи не обидишь!

Шерил говорила так, словно речь шла о живых существах, а не о куклах, но она знала, что Дорис относится к своим творениям, как к детям.

– Я думаю, что сотворила всё это во сне, как тётя Люсинда, – деловито проговорила Дорис.

– Люсинда? – удивилась Шерил. Она прекрасно помнила болтливую, несколько эксцентричную даму и не замечала в ней ничего странного.

– О, это наш скелет в шкафу, зловещая тетушка Люсинда, которая отрывала крылья бабочкам и скармливала рыбок из аквариума кошкам, – продолжила Дорис. – Оказывается, она уже много лет находится в сумасшедшем доме, но это скрывалось, и нам, детям, говорили, что тётя уехала в Австралию.

Шерил подумала, что, в общем-то, все члены семьи Дорис были несколько экстравагантны, но они были художниками, а это многое объясняло.

– А когда ты узнала правду о тётушке?

– Эдна раскололась. Как ты понимаешь, мне пришлось показать ей это, а она помялась-помялась и рассказала о Люсинде, бедная моя сестричка, хорошо, что хоть её не тронули.

Дорис достала из коробки куклу, и Шерил в очередной раз поразились мастерству своей подруги. Кукла была несколько приукрашенной, но великолепно выполненной копией Эдны.

– С волосами пришлось помучиться, – Дорис взяла расчёску и провела по пышным, блестящим кудрям куклы. – Зато с Джорджем проблем не было, так удобно, что он бреет голову, – она достала из коробки «Джорджа».

– Я подумала, – продолжила Дорис, – всё делаю, делаю на заказ, а своим не успеваю. – А это я, – Дорис достала куклу как две капли воды похожую на неё, в длинном вечернем синем платье, и залилась слезами. – Господи, – она кивнула на изуродованных кукол, – неужели я такая же, как тётя Люсинда?!

– А что всё-таки произошло с ней? – осторожно спросила Шерил.

– Эдна рассказала, что однажды утром Люсинду нашли всю в крови, с раной на голове, а по дому летал совершенно обезумевший попугай, с вырванными перьями. Видимо, она в сомнамбулическом состоянии пыталась ошипать его, а когда он клюнул, потеряла сознание.

– Хорошо, – сказала Эдна, – представим, что Люсинда действительно психически неполноценна, но почему ты тоже должна быть сумасшедшей?

– Но почему тогда я так садистски изуродовала моих кукол?

– А если это сделала не ты?

– А кто тогда? – Дорис пожала плечами. – В доме, кроме меня, Джорджа, Аманды и Эдны, никого не было. Ты предполагаешь, что это мог сделать кто-то из них? Нет, – она отрицательно покачала головой и продолжила. – Джордж очень неплохо относится к моим куклам, да и ко мне тоже. А Аманде лень даже пыль с них смахнуть.

Шерил была вынуждена согласиться. Представить добродушного Джорджа отрывающим крылышки у эльфов было трудно. Аманда, глуповатая сонная прислуга-португалка, действительно, постоянно находилась в каком-то заторможенном состоянии, была невероятно ленива и абсолютно лишена эмоций. А Эдна страстно предана семейному бизнесу. Шерил была вынуждена согласиться, что мотива уничтожать кукол ни у кого не было.

– Да, я забыла про самое главное, смотри, – Дорис отвернула рукав блузки и показала свежую царапину. – А теперь посмотри сюда! – и она взяла со стола разбитое крошечное зер-

кальце, на котором была засохшая кровь. – Всё сходится – это сделала я! Нет, я чувствую здесь присутствие зла – и не переживу, если это зло – я!

– Боже мой, какая патетика! – Шерил обняла её. – Успокойся. Пока я не вижу никакого рационального объяснения, кроме того, что у тебя есть недоброжелатель, который хочет вывести тебя из равновесия или навредить твоему бизнесу. Или же это проделки какого-нибудь полтергейста. Кстати, а как наш мафиози, он цел?

– Какой мафиози? – удивилась Дорис. – А, ты о том... Он исчез, испарился.

– Странно, – Шерил задумчиво оглядела мастерскую. – Слушай, твоя тётушка, по словам Эдны, делала всё это во сне, но у тебя-то никаких проблем со сном не было!

– В том-то и дело, я сплю так крепко, что вообще ничего не помню.

– Ну а у меня сон очень чуткий, и, если не возражаешь, я сегодня останусь ночевать здесь.

День прошёл мрачно. Эдна, расстроенная гибелью кукол, даже не вышла к ужину. Дорис тихо плакала, а Джордж выглядел рассеянным. Спать разошлись рано. Шерил, не раздеваясь, прилегла, чтобы немного подремать перед своей ночной экспедицией. Не обладая богатым воображением подруги, она всё равно ужасно трусила. В голову лезли кадры из триллеров про кукол-убийц, и идти в мастерскую совершенно не хотелось. Но в полночь она решительно сунула ноги в тапочки, поднялась с постели и вдруг услышала чьи-то тихие шаги у своей двери. Затем в скважине повернулся ключ и всё смолкло. Шерил, с трудом переводя дыхание, опустила настольную лампу, которую она схватила как первое попавшееся под руку средство защиты, тихо подошла к двери и попыталась открыть её. Но выйти не удалось. Дверь была заперта.

Утром она застала свою подругу пересчитывающей рыбок в аквариуме.

– Все на месте?

– Пока да, – мрачно ответила Дорис, – но пропал Бенедикт.

– Ну наконец! Хоть что-то хорошее в этой истории.

Шерил терпеть не могла вредного, агрессивного и до невозможности избалованного кота Дорис.

– Ну, за него ты можешь быть спокойна. Это существо не сдастся без боя.

– Надеюсь, – Дорис печально улыбнулась, – а так ничего не изменилось. Все оставшиеся куклы на месте, и, если ничего не произойдёт, может быть, нам удастся зализать раны. Эдна и Джордж обещали, что будут заниматься только починкой кукол. Заказчикам мы сказали, что я тяжело заболела, через месяц, может быть, всё и наладится. Я справлюсь, Шерил. А если нет, то дам тебе знать.

– Сразу же позвони, если что-нибудь случится.

Но позвонила не Дорис, а её сестра.

– Срочно приезжай к нам, – мрачно потребовала Эдна, – я тут держу оборону. Успокаиваю Джорджа, боюсь, что он попытается убить Дорис.

– Что-о?!

– Лучше не спрашивай. Бегает по дому и всё крушит.

– А что случилось?

– Не отвлекай меня, – огрызнулась Эдна, – и приезжай скорее, а то я вызову полицию.

Когда Шерил подъехала к «кукольному домику», то поняла, что Эдна не преувеличивала. На тротуаре валялись куклы, а из окон слышались крики.

Шерил узнала голос Джорджа, посылавшего проклятья своей супруге.

Стараясь не вникать в их содержание, Шерил быстро поднялась по лестнице в мастерскую, предполагая, что именно там укрылась её подруга.

Свет в мастерской был погашен, и Шерил едва не упала, споткнувшись обо что-то мягкое. Это был «Джордж», в груди которого торчал нож.

– Он злится не из-за этого, – раздался тихий голос Дорис. Она сидела на полу в углу. – Зажги свет и не кричи, когда увидишь.

Эдна послушно щёлкнула выключателем – и вскрикнула.

На полу валялись изрезанные в клочья картины Джорджа.

– Он считает, что это сделала я, – также тихо проговорила Дорис, – и, видимо, прав.

– Боже мой! Дорис, милая, почему?

– Позавчера вечером Джордж сказал, что хватит переживать из-за каких-то испорченных кукол, вот если бы что-то случилось с его картинами, тогда можно было бы печалиться. Я сгоряча ответила, что его картины – бездарная мазня и ничего не стоят по сравнению с куклами. А наутро он принёс мне это и сказал, что не ожидал, что я хочу остаться вдовой, – она кивнула на «убитую» куклу. – Я была в ужасе, так как не делала этого. Во всяком случае, не помню, чтобы делала, – добавила Дорис шёпотом. – Ну а сегодня были изрезаны все картины Джорджа и принесены сюда, ко мне! И он вопит, что пронзённое сердце куклы – символический жест. Я убила его, когда уничтожила его произведения.

Шерил задумалась.

– А что тебе снилось в дни, когда произошли все эти ужасы?

– Абсолютно ничего. Я спала как убитая.

– Но тебе же всегда снятся какие-то безумные сны...

– Вот именно, – перебила её Дорис, – ты нашла верное слово – безумные! Я сошла с ума и меня надо изолировать, пока я не принялась за людей! Кстати, – после некоторой паузы добавила она, – видимо, я уже сотворила нечто ужасное. Бенедикт так и не появился. Даже страшно представить, что я могла сделать с ним. Люсинда, оказывается, пыталась содрать панцирь с черепахи, а рыбок, если не удавалось скормить кошкам, оставляла на полу и наблюдала, как они задыхаются.

– Черепахи, рыбки и... Кого ещё мучила Люсинда? – спросила Шерил.

– По-моему, этого более чем достаточно.

– Черепахи, рыбки, – медленно проговорила Шерил. – Бенедикта я не беру в расчёт. Думаю, что все живущие в этом доме сделали бы маленький подарок тому, кто избавил их от этого кота. Но черепахи и рыбки, определённо, вызывают у меня какие-то смутные ассоциации. Ура! – она хлопнула себя по лбу. – Всё сошлось. Мне нужен ключ от входной двери.

– Прости?

– Не буду тебе пока ничего объяснять. Надо спешить.

– Хорошо, – покорно отозвалась Дорис, – тем более что со мной и так всё ясно.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты загляни в аквариум!

На лестнице, когда они спускались, Шерри столкнулась с Эдной. Осунувшаяся и уставшая, она выглядела неважно, но волосы были как всегда великолепны, тщательно расчёсаны и уложены.

– Я дала Джорджу успокоительное, и он заснул. Ты переночуешь здесь, Шерил?

– Боюсь, что нет. Мне завтра очень рано надо на работу.

– Жаль. Ну ничего, я запру Джорджа и присмотрю, чтобы ничего не случилось.

– Я надеюсь на тебя. И, кстати, что там у вас произошло с рыбками?

– С рыбками? – удивилась Эдна. – Понятия не имею.

Шерил вошла в кабинет Джорджа, где стоял аквариум. На его дне, между водорослей, лицом вниз лежала кукла в синем вечернем платье.

Ночью Шерил тихо открыла дверь в дом Дорис, поднялась в мастерскую и достала из сумки ножницы и бритвенные принадлежности. Свет она включать не стала, но луна светила так ярко, что справиться удалось довольно быстро. Закончив, Шерил спряталась за занавеску и стала ждать. Минут через десять на лестнице раздался шаг и тихое, жалобное мяуканье.

В комнату вошёл человек с мешком, в котором что-то слабо шевелилось, и, положив его на пол, подошёл к окну и попытался растворить его, но на подоконнике лежал какой-то предмет. Вошедший поднял его и дико закричал.

На крик сбегались все обитатели дома, кроме Дорис.

Кто-то включил свет, и глазам присутствующих предстала взбешённая Эдна, держащая в руках свою кукольную копию, – только вместо роскошных кудрей на её головке сияла лысина. Джордж и заспанная Аманда с изумлением и ужасом смотрели на Эдну, рычащую от бешенства. Она метнулась к столу, схватила ножницы, оставленные Шерил, и кинулась на неё. В своем мощном броске она наступила на лежащий на полу мешок. Раздался отчаянный кошачий визг, и из мешка выполз огромный рыжий кот. Он пошатывался, словно во сне, но всё же сумел вцепиться в ногу Эдны. Аманда и Джордж одновременно пришли в себя. Вместе с Шерил им удалось повалить беснующуюся Эдну на пол и связать. Бенедикта, мёртвой хваткой вцепившегося в ногу, отодрать удалось только санитарам скорой психиатрической помощи, которых вызвала неожиданно проявившая расторопность Аманда.

– А где Дорис? – тяжело дыша спросил Джордж, когда мастерская опустела и они с Шерил остались вдвоём.

– Спит мёртвым сном, как и все прошлые ночи, – ответила Шерил. – Сестра давала ей какое-то сильнодействующее снотворное.

– Но зачем?

– О, причин очень много, – ответила Шерил. – Я связалась с Люсиндой, о которой рассказывала всякие ужасы Эдна. Она, действительно, живёт в Австралии и абсолютно здорова. Она рассказала мне о детстве Эдны. Оказывается, те ужасные поступки, которые Эдна приписывала тётушке, совершала она сама. А потом всё как-то наладилось, но родные всё-таки боялись за неё и поэтому не позволили полностью отдаться батальному жанру, в котором также проявилась её патологическая жестокость.

– Смотри, – она достала из сумки фотографию картины Эдны.

– Да видел я её, – поморщился пацифист Джордж.

– Ну и самое главное – Эдна страшно завидовала своей удачливой сестре. У Дорис было всё, а у неё ничего. И поэтому, когда некто, недовольный подарком, вернул его таким экстравагантным образом, Эдне пришла в голову просто гениальная мысль. Она решила внушить Дорис, что та сумасшедшая, и довести её до самоубийства. Последней каплей должен был стать Бенедикт, которого она собиралась выбросить из окна. Кстати, ему она, видимо, тоже дала снотворное, иначе удалось бы засунуть его в мешок, как же! А Дорис была дана подсказка – утопиться. Я уверена, что, если бы та не решилась, Эдна обязательно что-нибудь придумала бы. И тогда ей досталось бы всё – бизнес с раскрученным именем, дом, ну, – Шерил улыбнулась, – возможно, и ты в придачу. Поэтому мне пришлось спровоцировать её, побрив куклу.

– Но как ты догадалась, что это Эдна?

– Из-за черепахи и рыбок. Меня всегда удивляла кровожадность, с которой она живописала сражения, раны, кровь и прочие ужасы войны. Ну ладно люди! Там были с каким-то наслаждением выписаны умирающие животные. Агонизирующие кони, растоптанная черепаха, выброшенные на берег рыбки... Я сопоставила всё и поняла, что речь шла о самой Эдне.

– Шерил, – с чувством произнёс Джордж, пожимая ей руку, – мы так обязаны тебе. Когда Дорис проснётся, я скажу, чтобы она сразу же стала делать тебе твою куклу.

– Что-то не хочется, Джордж. И, если честно, я теперь очень долго вообще не смогу смотреть на кукол.

Импровизация

Энн Картер знала, что подслушивать нехорошо, но слова «и мы, наконец, избавимся от этой дуры», звучали настолько интригующе, что она не положила телефонную трубку, а затаила дыхание и плотнее прижала ее к уху. Вскоре шелковая блузка Энн прилипла к телу, став мокрой от пота, который с полным основанием можно было назвать холодным. Она мысленно возблагодарила небеса за рассеянность, из-за которой вернулась домой за кошельком и совершенно случайно подключилась к разговору, в котором обсуждались окончательные детали ее убийства. Беседа длилась так долго, что Энн, устав стоять, опустилась в кресло и тут же подскочила. Зазвонил ее мобильник. Секундное колебание – остаться сидеть, надеясь, что звонок не услышали, или спрятаться – разрешилось при звуке шагов на лестнице. Энн бросила мобильник в кресло и юркнула в гардеробную. В щель между платьями она увидела, как в спальню вошел ее муж, взял мобильник, зло усмехнулся, заглянул под кровать, отдернул шторы у окна, постоял несколько секунд, прислушиваясь, и вернулся в кабинет. До Энн донеслось, как он сказал: «Ничего страшного. Это мобильник, который, как всегда, забыла моя дорогая супруга». Снова поднять трубку Энн не решилась. Впрочем, и услышанного ранее было вполне достаточно, чтобы оценить изысканность и изобретательность преступления, с помощью которого собирались от нее избавиться. Убийство вполне можно было бы назвать идеальным, и, собственно, оно и не могло быть иным, так как голос собеседницы мужа Энн принадлежал Фэй Брэди. Эта дама вела колонку сплетен в популярном журнале «Все о леди» и славилась не только скандальными публикациями, но и великолепными драгоценностями, которые демонстрировала на всех сколько-нибудь значимых светских событиях Лондона. Происхождение этих украшений было окутано тайной. Ходили слухи, что ими расплачивались с Фэй те самые «леди», которые не желали быть упомянутыми в ее колонке. Поговаривали также, что страсть Фэй к драгоценностям носит маниакальный характер и что не было еще ни одной вещи, которую она захотела бы иметь и не получила. Теперь, когда миссис Брэди возжелала обрести великолепное жемчужное ожерелье, доставшееся Энн по наследству, та получила печальную возможность убедиться, что эти слухи не являлись преувеличением. Получив от Энн вежливый, но твердый отказ продать жемчуга, Фэй безуспешно попыталась найти в ее жизни факты для шантажа и теперь, потерпев неудачу, решила на убийство. Энн открыла шкатулку и с грустью оглядела злосчастный жемчуг. Она не могла расстаться с фамильной драгоценностью, но, откровенно говоря, с радостью сделала бы это, так как считала, что обладает ей не по праву. Женщины артистического клана Боумонтов, к которому она имела честь принадлежать, по традиции надевали это ожерелье на свои премьеры, она же никогда не выходила на сцену и, несмотря на тайные надежды родственников, знала, что никогда не выйдет. Энн была страшно застенчива. Одна мысль стать центром внимания приводила ее в панический ужас. Поэтому театральной карьере она предпочла профессию искусствоведа, но мужа все же выбрала из артистической среды. Генри Картер был необычайно красив, амбициозен и откровенно глуп. Женившись по расчету на одной из Боумонт, он надеялся блистать в главных ролях, но пока получал только второстепенные. Убежденный, что ему не дают хода из зависти к таланту, он возненавидел всех Боумонтов и, прежде всего, Энн, которая не разводилась только потому, что боялась привлечь внимание журналистов.

Из подслушанного Энн поняла, что ее убийство планировалось совершить в два этапа. Сперва ее уничтожали морально. Это должно было произойти сегодня вечером, всего через несколько часов, на празднестве в честь восьмидесятилетия старшей миссис Боумонт – бабушки Энн. Там, при огромном скоплении народа Генри должен был устроить скандал и в самой унижительной форме заявить Энн о том, что оставляет ее. Согласно сценарию, Энн должна была в беспамятстве выбежать из театра, вернуться домой и умереть. Самоубийство

раздавленной позором и горем покинутой жены ни у кого бы не вызвало сомнений, и, кроме общественного порицания, Генри ничего не грозило. Фэй даже обмолвилась, что шум вокруг смерти Энн послужит прекрасной рекламой, так как множество зрительниц будет жаждать увидеть мужчину, из-за которого лишают себя жизни. Мести Боумонтов и поисков пропавшего ожерелья также можно было не опасаться. Эта история должна была настолько сильно ударить по достоинству семьи, что ее предпочтут предать забвению, а пропавшее ожерелье спишут на всем известную рассеянность умершей. Из подслушанной беседы следовало, что главный упор в оскорблениях, адресованных Энн, делался на бесцветность и ординарность ее особы, и миссис Брэди, справедливо не доверяя фантазии своего собеседника, несколько раз повторила: «И никакой импровизации! Говори точно по тексту». Несмотря на трагичность ситуации, Энн улыбнулась. Эта фраза была явно лишней. Генри не был в состоянии придумать даже маленькой реплики. Он мог играть только вызубренные роли, и именно поэтому Боумонты, прославившиеся своими блистательными импровизациями, держали его в тени. Энн подошла к зеркалу. Женщину в светло-бежевом платье с гладко причесанными пепельными волосами, испуганно смотревшую оттуда, конечно, нельзя было назвать яркой. Но и термин «музейная крыса», которым удостоила Энн среди прочих оскорблений прекрасная Фэй Брэди, не вполне отражал ее индивидуальность. Это неприятное животное все же могло постоять за себя, а Энн с ее робостью и страхом оказаться в центре внимания была абсолютно беззащитна. Конечно, можно было не пойти на юбилей, но Энн прекрасно понимала, что скандала и унижения избежать не удастся, даже если перестать выходить из дома – эта парочка сумеет собрать публику и на необитаемом острове. Пока неясно было, как они собирались инсценировать «самоубийство». Энн попыталась сосредоточиться и дословно восстановить в памяти подслушанный разговор. Какие-то слова ей определенно показались странными и выпадающими из общего контекста. Наконец она вспомнила. Фэй говорила сухо и деловито, но дважды произнесла слова «уснет навеки». Может быть, это несколько высокопарное словосочетание означало, что Энн должна была принять смертельную дозу снотворного? Но каким образом? Узнавать это опытным путем не хотелось.

На юбилейный вечер Энн прибыла с большим опозданием, и когда она вошла в театральное фойе, там уже было полно народу. Седовласая юбилярша, величественная и прекрасная, вместе с труппой, состоящей из доброго десятка членов семьи, стояла в центре зала и принимала поздравления. Увидев Энн, старшая миссис Боумонт вздрогнула и выронила букет, ее муж стал судорожно жевать мундштук трубки, остальным родственникам сохранить обладание помогла только выработанная за десятилетия игры на сцене железная дисциплина. Внешний облик Энн, застывшей на мгновение у входа, служил нагляднейшим подтверждением того, что театр Боумонтов по праву зовется шекспировским, ибо все – от платья до аксессуаров – было позаимствовано в его костюмерной и выглядело как иллюстрация сразу к нескольким произведениям великого автора. На Энн было надето кроваво-красное одеяние леди Макбет, на голове красовался огромный парик Клеопатры, угольная чернота которого эффектно оттенялась приколотыми к нему кувшинками Офелии. Шею, кроме знаменитого жемчужного ожерелья, Энн обвила золотыми цепями, которые украсили также и ее руки. Ноги были обуты в сапоги Виолы из «Двенадцатой ночи». И хотя звон цепей и шпор, пока Энн шла, напоминал ей бряцанье кандалов, а путь до юбилярши казался бесконечным, она сумела найти в себе силы, подойдя к бабушке, улыбнуться, сказать несколько слов поздравления, а затем, щадя чувства родных, удалиться к окну. Наконец, Энн достигла его, оперлась, почти упав, на подоконник и посмотрела в другой конец зала, где рядом с Фэй Брэди, сверкающей бриллиантами, словно рождественская елка, стоял Генри. Не обладая выдержкой Боумонтов, он при появлении Энн едва не расплескал бокал с шампанским, который держал в руках, затем взглянул на свою застывшую, словно статуя, спутницу, решительно вскинул голову и двинулся к жене.

«Я сделала все, что могла» – думала Энн. От страха она прикрыла глаза и крепко сжала зубы, чтобы не закричать. Наконец, Генри остановился, откашлялся, вскинул голову и простер к ней руку. В зале раздалось осторожное хихиканье. Респектабельный Генри в своем великолепном смокинге, и Энн в ее фантастическом наряде являли зрелище необычайное.

– Энн, – наконец, с чувством произнес он. – Как ты бесцветна иординарна!

Тихое хихиканье в зале перешло в смех.

– Как скучна, однообразна и предсказуема!

Смех в зале усилился. Генри растерянно огляделся по сторонам, еще раз кашлянул, чтобы прочистить горло и продолжил:

– Твоя блеклость сравнима только с твоей...

– Что с тобой? Как ты себя чувствуешь? – вдруг участливо спросила его старшая миссис Боумонт.

– Не лечь ли тебе в постель, друг мой! – подхватила вторая миссис Боумонт, ее невестка.

– Нет, у него, несомненно, солнечный удар! – оживленно продолжила старшая миссис Боумонт, повернувшись к своему брату, знаменитому комическому актеру.

– Надо бы отнести его мочу к знахарке, – задумчиво произнес тот.

– Завтра же отнесу, если доживу до утра, – отозвалась старшая Боумонт.

Генри ошеломленно молчал и только вертел головой, оборачиваясь на каждую реплику.

Публика, именно так теперь можно было назвать гостей, благоговейно замерла. Большинство из собравшихся были страстными театрами, они сразу же узнали знаменитую сцену сумасшествия Мальволио из «Двенадцатой ночи» и блаженствовали, наблюдая за знаменитой импровизацией Боумонтов. Только Генри явно выбивался из ансамбля и выглядел совершенно растерянным.

– При чем тут солнечный удар? – наконец с достоинством произнес он. – Сейчас декабрь и достаточно холодно. Десять градусов ниже нуля.

– Да смилуются над тобой небеса! – весело произнесли Боумонты хором.

В зале уже открыто смеялись над Генри. Только на лице Фэй Брэди не было и тени улыбки. Ее взгляд не отрывался от ожерелья на шее Энн, которая, пользуясь тем, что все внимание было теперь приковано к ее мужу и родным, пыталась укрыться за занавеской. Она от всей души надеялась, что теперь, когда первая часть плана сорвалась и вместо публичного унижения ее скромной особы подвергся осмеянию сам Генри, теряет смысл исполнение второй части плана. Ведь у нее нет причин для самоубийства!

И вдруг, пусть и с некоторым опозданием, но до Генри дошло, что причиной всеобщего веселья является его собственная персона. Это помогло ему собраться и достойно ответить ненавистным Боумонтам.

– Я рассчитаюсь с вашей низкой сворой! – свирепо прорычал он фразу из монолога Мальволио и окинул всех находившихся в непосредственной близости от него гордым взглядом.

– Ну, наконец-то, – выдохнула миссис Боумонт.

– Bravo! – выкрикнула Фэй Брэди и едва заметно кивнула на бокал, который Генри продолжал держать в руках.

Генри повернулся к Энн, раскрыл рот, чтобы произнести фразу и застыл, собираясь с мыслями, так как заготовленный текст явно не годился. Пауза длилась долго, и Энн не без злобства наблюдала за мучениями своего потенциального убийцы. Но вот он собрался, улыбнулся, великолепным, небрежным, явно отрепетированным жестом протянул Энн бокал, и ту осенило. Она поняла, что зелье (Энн в своих шекспировских одеждах так вошла в роль, что мысленно употребила слово из той далекой эпохи) растворено в шампанском. Все было рассчитано. Времени, пока оно начнет действовать, как раз бы хватило на то, чтобы она доехала до дома, в котором уже была приготовлена чашка с якобы недопитым чаем или водой с тем же ядом или снотворным, где она «заснула бы навеки». Фэй нельзя было отказать в целеустрем-

ленности. Хотя сцена разрыва сорвалась, она совершенно не собиралась отказываться от ожерелья и, возможно, уже придумала новое объяснение самоубийства.

Энн прикоснулась губами к бокалу и сделала вид, что пьет, и пошатнулась.

– Питье отравлено, – неожиданно для всех, и прежде всего для себя, глубоким контральто произнесла Энн знаменитую фразу Гертруды из «Гамлета», сделала несколько неверных шагов и как подкошенная упала на пол. Публика в полном восторге ожидала продолжения игры, и последующая сцена не обманула ее ожиданий. Дядюшка-трагик, взяв Энн за руку, окинул присутствующих безумным взором и сперва шепотом, но потом все более повышая голос, начал монолог короля Лира у тела мертвой Корделии.

– Вопите, войте, войте! Вы из камня!

Она ушла навеки...

И во второй раз за вечер монолог был прерван.

– Этого не может быть! – закричал совершенно обезумевший Генри, бросаясь к Фэй. – Это не могло произойти так быстро!

– Замолчи, идиот, – сквозь зубы бормотала та, отступая к стене.

– Я идиот? – возмутился он. – А кто сказал, что все произойдет дома?!

– Вы хотите сказать, что сюда что-то добавлено, сэр? – подал голос один из гостей, врач старшей миссис Боумонт, поднимая с пола бокал.

– Разве? – Генри начал приходить в себя. – Я... я пошутил. Ха-ха-ха, – он издал несколько отдаленно напоминающих смех звуков и попытался выдернуть из рук медика бокал.

Но тот еще крепче сжал в руках сосуд, провел пальцем по его стенкам, облизнул и поморщился.

– Вызовите, пожалуйста, полицию и санитарную машину, – обратился он к гостям.

– Я не хотел, – истерично закричал Генри, указывая пальцем на Фэй, – это она уговорила меня отравить Энн из-за своего проклятого жемчуга!

Кто-то громко вскрикнул, а актриса из труппы Боумонтов, дама весьма внушительных размеров, обычно игравшая кормилицу Джульетты, загородила дорогу Фэй, пытавшейся потихоньку выскользнуть из зала. Вслед за ней из толпы гостей отделились еще две женских фигуры. Эти дамы, стараясь быть как можно более незаметными, подошли к Фэй и молча протянули руки. Та недовольно передернула плечиками, но все же сняла сверкающий браслет, серьги и быстро сунула их в раскрытые ладони. Затем немного помедлила и добавила к серьгам и сумочку.

– Берите, берите уж все, – беспомощно взмахнула она руками и снова попыталась проскользнуть к выходу. Но верная коллега Боумонтов стояла непоколебимо, как скала.

– Жаль, что она не брала за молчание одежду, вздохнул кто-то из молодых артистов, наблюдая за этой сценой.

На него громко шикнули и указали на входящих в зал полицейских. Один из них подошел к Генри, другой к Фэй. Генри, пока его выводили из зала, что-то быстро и горячо доказывал своему спутнику, Фэй же, замкнувшись в молчании, не двигалась с места. Она стояла, высоко подняв голову и скрестив на груди руки. Впрочем, ей вскоре пришлось отказаться от этой гордой позы. Дама, которой Фэй вместе с серьгами сунула сумочку, с нескрываемым удовольствием возвращала ее обратно.

– Мне кажется, это ваше.

Полицейский взял у Фэй сумочку и решительно повел к выходу.

Энн во время сцены лежала на диване, окруженная потрясенными родственниками. Женщины громко рыдали и ломали руки, мужчины замкнулись в суровом, но весьма выразительном молчании. Энн чувствовала себя прекрасно, но раскрывать глаза, отвечать на вопросы и вновь оказаться в центре внимания страшно не хотелось. И все же ей было немного стыдно за свою симуляцию. Поэтому, когда ее стали класть на носилки, она открыла один глаз,

подмигнула и ткнула пальцем в ожерелье. К чести Боумонтов, они отреагировали достойно. Рыдания усилились, но чуткое ухо Энн уловило, как ее бабушка оживленно прошептала младшей миссис Боумонт: «Я всегда верила в нее. Великолепная импровизация! Не правда ли?!»

Диадема для дивы

Рейчел Мейтленд, пожилая примадонна на отдыхе, с трудом открыла глаза. Проснуться никак не удавалось. К тому же звенело в ушах и раскалывалась голова. Рейчел поднялась с постели и подошла к зеркалу. Увиденное не обрадовало.

«Только бы Майкл не застал меня в таком виде», – подумала она. Майкла Пиджона, точнее, Микеле Пиччионе Рейчел привезла из Венеции, отбив у одной старой южноамериканской миллионерши. Миссис Мейтленд тоже была очень богата, но продолжала давать уроки светским любителям вокала и брала за них огромные деньги, которые широко тратила на Майкла – Микеле. Они уже два года жили вместе в прекрасном особняке Рейчел в Ричмонде и были вполне довольны друг другом. Микеле, превратившийся в Майкла, весело прожигал жизнь, а Рейчел наслаждалась поздней любовью. Она не осуждала своего итальянского возлюбленного, так как в молодости сама легко принимала от поклонников дорогие подарки и составила из них неплохую коллекцию драгоценностей, которые благоразумно застраховала в солидной страховой компании. Рейчел щедро демонстрировала эти украшения окружающим как доказательства своей бывшей женской власти и красоты. Но гордость коллекции – так называемую диадему египетской царицы она могла показать только близким друзьям. Лет тридцать назад лорд Готуорд, сотрудник дипломатического корпуса в Египте, купил это сокровище у одного из расхитителей гробниц и, рискуя свободой и карьерой, тайно вывез в Британию. Сумма, которую пришлось выложить Готуорду, значительно превышала его возможности, и Рейчел, растроганная и польщенная великолепием подарка, на целых два года сделала Готуорда своим официальным любовником. Потом они довольно бурно расстались из-за того, что Рейчел хотела стать леди Готуорд, а лорд не желал давать ей свой титул и имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.